

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ориентация во времени является универсальной потребностью человека, удовлетворение которой всегда культурно и социально обусловлено. Разнообразие способов определения времени делает актуальным исследование общих и частных закономерностей их функционирования. Изучение практик ориентации во времени суток является необходимым условием понимания повседневности людей: координации действий, хозяйственных ритмов, распорядка дня, восприятия времени и др.

Темпоральность русского села осмыслялась этнографами, прежде всего, с точки зрения мифологического и календарного времени. В связи с этим актуальность работы следует из обращения к изучению сферы «рациональных» народных знаний, в частности, способов определения времени суток, что позволяет скорректировать и дополнить существующие концепции сельской темпоральности.

С конца XIX по XX в. Российскую империю и Советский союз сотрясали масштабные социально-экономические и политические преобразования, которые не могли не затронуть темпоральные аспекты жизни русских крестьян и колхозников. Тем самым хронологические рамки работы позволяют рассматривать практики ориентации во времени в исторической динамике и в широком контексте. Помещение в фокус исследования практик ориентации во времени по небесным светилам объясняется их традиционностью, укорененностью в сельской доиндустриальной культуре и прагматической важностью, обусловившей их сохранение и возможность полевого изучения в XXI в.

Современность характеризуется «ускорением» и «компрессией» времени – важнейшего ресурса, требующего учета и управления со стороны общества и отдельного индивида. Актуальность исследования традиционных практик ориентации во времени проявляется в возможности изучить на конкретном материале становление современного темпорального режима и проследить историю его отношений с доиндустриальной сельской темпоральной культурой.

Объектом исследования выступает организация суточного цикла повседневной жизни в русской сельской культуре конца XIX–XXI вв. **Предметом** исследования являются практики ориентации во времени суток по небесным светилам.

Цель исследования – изучение связей между практиками ориентации во времени суток по небесным светилам и повседневными ритмами деятельности в конце XIX–XXI вв. в структурном, функциональном и историческом аспектах.

Достижение указанной цели требует решения ряда **задач**:

- 1) проанализировать историю зарубежного и отечественного изучения социального времени;
- 2) создать исследовательскую модель практик ориентации во времени по небесным светилам, построить на ее основе типологии практик и выявить их локальную специфику;
- 3) изучить положение рассматриваемых практик среди других практик ориентации во времени суток в контексте крестьянского распорядка дня;
- 4) реконструировать календарную приуроченность практик ориентации во времени по небесным светилам;
- 5) исследовать исторические трансформации практик ориентации во времени по небесным светилам, вызванные модернизационными процессами 1920–1960-х гг.;
- 6) проанализировать в свете теории традиции межпоколенческие механизмы воспроизводства практик ориентации во времени по небесным светилам.

Степень изученности темы. Специальных работ, посвященных русским сельским практикам ориентации во времени суток по небесным светилам, до настоящего времени нет. Небесные светила исследовались в основном на предмет мифологических представлений и верований (В. Б. Богданов, Д. К. Зеленин, Д. О. Святский, Л. А. Тульцева, В. Е. Добровольская и др.). В работах лингвистов преобладал ономазиологический подход: раскрывались вопросы мотивации, этнической специфики и ареального распределения астрономов (В. А. Никонов, Ю. А. Карпенко, М. Э. Рут, Г. Ф. Ковалев и др.). Географию астрономов как исторический источник изучает Ю. Е. Березкин.

В зарубежных антропологических и отечественных этнографических исследованиях времени практикам ориентации во времени суток по небесным светилам уделялось мало внимания. Ученых в большей степени привлекало сакральное время, темпоральность социальных структур, праздничный и хозяйственный календарь. Вместе с тем, в зарубежной антропологии были предложены общие тео-

ретические модели ориентации во времени, которые легли в основу настоящего исследования. История изучения социального времени подробно излагается в главе 1.

Теоретико-методологическая база исследования. Методология настоящего исследования основывается на теориях практик, представленных в работах П. Бурдьё, Т. Шацки, А. Реквиц, Э. Шов, Н. Элиаса и других исследователей. Под практикой понимается рутинизированный тип поведения, состоящий из ряда взаимосвязанных друг с другом элементов: форм телесной и ментальной активности, вещей, фоновых знаний, эмоциональных состояний, мотиваций. Изменение, взаимовлияние и распространение практик происходит посредством движения и трансформации этих элементов, обладающих некоторой автономией по отношению друг к другу и к практике, которая только во время своего исполнения увязывает их воедино. Практики трансформируются не столько сознательными волевыми решениями, сколько в процессе адаптации к ситуативно меняющимся условиям.

Для анализа воспроизводства и трансформаций практик используется понятие традиции. Под традицией понимается, прежде всего, межчеловеческое взаимодействие как передача во времени и пространстве знаний, ценностей, поведенческих форм.

В исследовании автор опирается не на наблюдения практик, а на нарративы о них. Нарративы о практиках ориентации во времени не должны искажать существенным образом реальные практики по причине их нейтральности, отсутствия в них чувствительной информации, которую информант мог бы скрывать. Они никогда не были в фокусе идеологического или социального контроля и оставались малозаметным жизненным фоном для информантов.

Для концептуализации материальных условий практик ориентации во времени в настоящей работе используется теория возможностей/аффордансов Дж. Гибсона. Возможности относительны – это свойства объектов окружающей среды, взятые по отношению к наблюдателю (его телесности, навыкам и знаниям). Вещи влияют на людей не только как носители культурных значений и медиаторы социальных действий, но и более непосредственно – как материальные субстанции с определенными характеристиками, предлагающими и запрещающими те или иные действия и практики, т.е. обладающие возможностями в контексте некоторой ситуации. О плодотворности синтеза теорий практик и аффордансов свидетельствуют работы Т. Инголда¹.

Любое действие и практика (как рутинизированный комплекс взаимосвязанных действий) обладает феноменологической темпоральностью, которая определяется прагматикой, целью действия и сложившимися условиями, мотивирующими действие². Вместе с тем, практики встроены во множество внешних темпоральностей («время мира») и определяются ими. В настоящем исследовании изучаемые практики рассматриваются в контексте суточного и годового ритмов, времени исторических трансформаций и традиции.

Также в работе используются метод этнографической реконструкции, сравнительно-типологический и сравнительно-исторический методы.

Источниковая база исследования. Среди основных источников данной работы находятся материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, собранные корреспондентами в 1898–1900-х гг. Используются опубликованные и архивные материалы по 19 губерниям Европейской России. Данные материалы раскрывают наиболее полно темы ориентации во времени по солнцу и часам.

Другой важной группой источников являются диалектологические словари, прежде всего, Словарь русских народных говоров (1969–2005). Автор работал с картотеккой Словаря русских народных говоров ИЛИ РАН (г. Санкт-Петербург) и с Астрономической картотеккой Топонимической экспедиции УрФУ (г. Екатеринбург). В первой картотеке учтены данные из всех основных регионов расселения русских, а во второй, в основном, материалы с территориями Русского севера и Урала. В этих источниках много данных о практиках ориентации во времени по звездам.

Третью группу источников составляют полевые материалы, собранные методом полуструктурированного интервью. Наиболее продуктивным было интервьюирование на тему ориентации по

¹ Ingold T. The Perception of the Environment. Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London; New York, 2000.

² Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford, 1990; Munn, N. The Cultural Anthropology of Time: a Critical Essay // Annual Reviews of Anthropology, 21, 1992. P. 93–123; Gell A. The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images. Oxford, 1992; Schatzki T. The Timespace of Human Activity: On Performance, Society, and History as Indeterminate Teleological Events. Lanham MD, 2010.

солнцу. В июле 2015 г. автор работал в Красноуфимском районе Свердловской области, в июле 2016 г. – в Кунгурском районе Пермского края, в июле 2017 г. – в Сандовском и Краснохолмском районах Тверской области. Всего среди опрошенных людей 34 женщины и 21 мужчина; года рождения от 1927 до 1956. Собранные материалы позволяют составить представление о бытовании изучаемых практик с 1930-х гг. до настоящего времени.

Выбор мест полевой работы обусловлен программой исследований отдела этнографии русского народа Российского этнографического музея. Надо отметить, что настоящее исследование направлено на изучение преимущественно общих, а не локально-специфических характеристик практик ориентации во времени по небесным светилам и могло быть осуществлено на материале других регионов. Таким образом, обращение к полевым материалам со Среднего Урала и Верхнего Поволжья носит характер «кейс-стади». Полевые материалы и данные Этнографического бюро сопоставимы и дополняют друг друга, так как каждый источник позволяет выделить один и тот же набор практик ориентаций во времени по солнцу.

Исходя из характера источников, я в своем исследовании ограничиваюсь рассмотрением практик определения времени русских земледельцев. Соответственно, не рассматриваются специальные профессионализированные знания и практики промысловиков – рыбаков и охотников. Собранный корпус материалов также не позволяет провести дифференциацию практик ориентации во времени по возрасту и гендеру.

Географические и хронологические рамки исследования.

В настоящем исследовании изучаются материалы, собранные преимущественно на территории Урала и Европейской России и охватывающие период с конца XIX по начало XXI в.

Научная новизна исследования. Настоящая работа является первым исследованием, в котором предпринято систематическое изучение русских сельских практик ориентации во времени суток по небесным светилам. Полученные результаты заполняют лакуны в области этнографического и антропологического изучения сельского времени.

На основе анализа эмпирического материала и имеющихся в научной литературе общих моделей практики ориентации во време-

ни была сформулирована частная модель практики ориентации во времени суток по небесным светилам, созданы типологии изучаемых практик.

Впервые поставлена задача реконструкции календарной приуроченности практик ориентации во времени суток по небесным светилам. Ориентация в суточном времени помещается в контекст хозяйственного календаря и астрономических закономерностей годового цикла движения светил.

Изучение модернизации времени на примере практик ориентации во времени суток по солнцу и звездам позволило осветить ее с новых сторон и поместить эмпирический материал в широкий исторический контекст.

Для исследования роли вещей в механизме традиции и воспроизводстве сельских практик ориентации во времени по солнцу я выхожу за рамки общепринятого в антропологии времени теоретического репертуара и обращаюсь к теории аффордансов.

Наконец, в научный оборот были введены полевые материалы автора, а также неопубликованные архивные материалы.

Основные положения, выносимые на защиту:

– разработанная модель сельских практик ориентации во времени по небесным светилам и построенные на ее основе типологии являются эффективными инструментами обобщения и анализа эмпирического материала. Предложенная модель включает в себя референциальный (движение небесных светил) и определяемый (действия, бытовые дела) ритмы, между которыми располагаются разнообразные медиаторы. При помощи пространственных медиаторов (линия горизонта, топографические ориентиры, длина тени и пр.) определяется положение небесного светила в пространстве, а при помощи темпоральных медиаторов (часовая шкала; полночь, полдень и пр.) временная длительность структурируется и приобретает отдельные значимые точки;

– в конце XIX – начале XX в. практики ориентации во времени дня использовались чаще всего летом и соответствовали летнему распорядку дня; практики ориентации во времени ночи аналогичным образом были связаны с зимой. Среди практик ориентации во времени обнаруживается иерархия: днем определяли время, главным образом, по солнцу, а ночью – по петухам. Другие темпо-

ральные ориентиры (дойка и выпас коров, звезды, Луна, часы, церковные службы и др.) дополняли их;

– большинство практик ориентации во времени по небесным светилам в своем функционировании привязаны к определенному календарному периоду. По солнцу определяли время преимущественно летом, а по созвездиям ориентировались чаще всего осенью (с августа по декабрь). Календарные сроки функционирования практик определялись их вовлеченностью в сезонные работы и корректировались объективными свойствами движения светил на небе, определявшими самое оптимальное и удобное время их наблюдения;

– в процессе модернизации практики ориентации по небесным светилам инкорпорировали в себя часовое время. Экспансия и быстрое распространение часового времени должны объясняться среди прочего и тем, что сельские жители могли узнавать его при помощи традиционных практик ориентации во времени по небесным светилам;

– способам определения времени по небесным светилам обычно обучало старшее поколение или сверстники, но практики ориентации по тени от построек могли воспроизводиться вне традиции, «изобретаться» разными людьми независимо друг от друга. Воспроизводство таких практик концептуализируется как изменение условий существования и восприятия аффордансов;

– в культурных смыслах практик ориентации во времени суток по небесным светилам конца XIX и второй половины XX вв. есть как преемственность, так и разрывы. Общность наблюдается в смысловой ассоциации одних типов практик определения времени по солнцу с пространством дома и усадьбы, а других типов – с пребыванием и перемещением на открытом воздухе (в поле, лесу и пр.). Исторической смене индикации времени его измерением во второй трети XX в. соответствовал разрыв в восприятии традиционных практик ориентации во времени по небесным светилам. Доминирование часов как эталонного измерителя времени снизило ценность практик ориентации по небесным светилам и пошатнуло доверие к ним колхозников;

– выделены элементарные и композитные практики определения времени. В элементарных практиках выделяется только одно значение темпорального ориентира (напр., положение светила) и соответствующее ему время, а в композитных практиках – два и бо-

лее. Среди доминирующих практик ориентации во времени суток (по солнцу, петухам, часам) преобладали композитные. Такие практики функционировали в наиболее напряженные периоды сельскохозяйственного года и свидетельствовали о необходимости расширения горизонта планирования и высокой дисциплины. Модернизация времени способствовала усилению роли композитных практик в сельской жизни посредством «компрессии» и «ускорения» времени, внедрения в быт часовых расписаний.

Теоретическая и практическая значимость работы. Настоящее исследование предлагает общую модель практики ориентации во времени суток по небесным светилам как инструмент исторического, структурного и функционального анализа изучаемых практик. На основе этой модели могут быть сформулированы аналогичные модели других практик ориентации во времени. Также полученные выводы и материалы могут в дальнейшем использоваться в сравнительных исследованиях.

Автор делает вклад в теоретическое осмысление традиции и практик, разрабатывая проблему воспроизводства практик вне механизма традиции. Для решения этой проблемы на основе теории аффордансов создана и опробована на эмпирическом материале аналитическая модель.

Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке лекционных курсов, семинаров, методических пособий, постоянных и временных экспозиций по этнографии русских и антропологии времени. В частности, результаты исследования использовались при создании временной выставки «Царство ночи: образы ночи в русской народной культуре» в Российском этнографическом музее (время проведения: 26.12.2017 – 25.03.2018).

Апробация результатов исследования. Достоверность диссертационного исследования обоснована полнотой привлекаемого эмпирического материала и комплексностью его анализа, базирующегося на знании отечественной и зарубежной историографии. Основные выводы и промежуточные результаты исследования были представлены на следующих конференциях: XI Конгресс антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2015 г.); «Теория и практика исследования этнокультурных комплексов» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2015 г.); конференция молодых ученых «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика» (ЕУСПб, Санкт-Петербург,

2016 г.); всероссийская конференция аспирантов, студентов и молодых ученых «Динамика этнокультурных процессов» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2016 г.); международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Т. В. Станюкович (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2016 г.); конференция молодых ученых «Антропология времени» (РГГУ, Москва, 2017 г.); Шестнадцатые Международные Санкт-Петербургские этнографические чтения «Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию Революции 1917 года в России)» (РЭМ, Санкт-Петербург, 2017 г.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников, списка использованной литературы и списка иллюстративного материала.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формулируются объект и предмет изучения, определяются цель и задачи исследования, обозначается круг используемых источников, хронологические и территориальные рамки работы, раскрываются методологические основания, характеризуется научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

1. «История этнографического и антропологического изучения времени». В первой главе рассматриваются концепции социального времени ключевых фигур отечественной и зарубежной историографии. Автор стремится проследить в самом общем виде историю развития антропологии времени, обобщить концепции известных ученых и определить место практик ориентации во времени (в особенности по небесным светилам) в исследовательских моделях.

В параграфе **1.1 «Отечественные этнографические исследования времени»** рассматриваются концепции времени в работах российских и советских этнографов. В дореволюционной этнографии социальное или культурное время как особый предмет исследования не было выделено. За исключением новаторской работы

В. Г. Богораза³, можно говорить, что исследования времени как особой категории культуры в отечественной этнографии появились только в 1960–1970-е гг. под влиянием трудов В. В. Иванова, Е. М. Мелетинского, А. Я. Гуревича.

Отечественные исследователи обычно характеризовали время традиционных обществ через противопоставление сакрального, циклического времени, «вневременности» и профанного, линейного, исторического времени. Профанное время, при этом, считалось подчиненным сакральному. Исследование «мифологического» времени выражалось в изучении темпоральных запретов и предписаний, приуроченности обрядов и ритуалов к календарному, суточному, биографическому и др. временам, мифологических олицетворений частей дня, дней недели, праздников, качественных особенностей времени в различных ритуалах и фольклорных текстах (С. М. Толстая, Т. А. Бернштам, С. Ю. Неклюдов, А. К. Байбурин, В. А. Дмитриев и др.).

Другим направлением в исследованиях времени было изучение календарных систем (Т. И. Петрова, Л. Н. Гумилев и др.).

Многие авторы поднимали тему единства пространства и времени, схватываемого понятием хронотоп (М. М. Бахтин). Неразрывная связь между этими двумя категориями обнаруживалась учеными в практиках ориентации во времени, в символических аналогиях и классификационных параллелях (Н. Л. Жуковская, Д. М. Бондаренко, А. А. Сирина и др.).

По сравнению с календарным и мифологическим временем наименее изученными оказались практики ориентации во времени суток. Во многих работах можно найти в небольшом объеме материалы по способам определения времени по небесным светилам, но исследование этих практик чаще всего осуществлялось в модусе обобщающего описания, а не концептуального анализа. Многие авторы ограничивались обобщением номенклатуры времени, т. е. названий определенных точек во времени в соответствии с положением солнца и звезд.

В параграфе **1.2 «Зарубежные антропологические исследования времени»** рассматриваются концепции времени в работах

³ Богораз В. Г. Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Вып. 1. Москва; Петроград, 1923.

иностранных исследователей. На этнографическом материале тема социального времени впервые разрабатывается в трудах Э. Дюркгейма и его школы. В работах известных антропологов, написанных в 1910–1960-х гг. (Б. Малиновский, Э. Э. Эванс-Причард, Б. Уорф, К. Леви-Стросс, Э. Лич, К. Гирц и др.), можно выделить три типа времени. Первый тип – это время социальной структуры, воплощенное в системах родства, возрастных классов, антропонимии и др. Второй тип – это сакральное время мифов и ритуалов. Оба эти типа предполагают обратимость или иллюзорность течения времени, переходы из настоящего в прошлое и обратно. Третий тип относится к рутинной стороне жизни – повседневный распорядок дня, координация действий, определение времени посредством наблюдения явлений окружающей среды и пр.

Второй период антропологического изучения времени начинается в 1960-е гг. и продолжается поныне. В этот период антропология времени сформировалась как особое исследовательское поле и испытала сильное влияние философии и других смежных наук. Критическая оптика марксизма позволила ученым увидеть в концепциях времени (как научных, так и изучаемых обществ) идеологию, инструмент управления и производства неравенства (М. Блох, Й. Фабиан). Феноменология направила внимание антропологов на внутреннее переживание времени из перспективы частного, но погруженного в культуру и общество человека, позволила темпорализовать теорию действия (П. Бурдьё, Н. Манн, А. Гелл, Т. Инголд и др.). Антропологи также занялись изучением модернизации времени в бывших колониях, развивающихся странах, европейских сельских сообществах (М. Ходжес, Дж. Постилл, К. Бёрт и др.).

В работах последних 50 лет ориентация во времени стала рассматриваться как ситуативное, телесное и локальное действие человека, способного творчески относиться к традиции, видеть в культурных нормах стратегический ресурс, преследующего свои прагматические цели, исходя из наличного положения дел, жизненного опыта и ожидаемого будущего. Вместе с тем, в этих исследованиях практики ориентации во времени по небесным светилам появляются только в виде спорадических примеров для концептуальных положений и не рассматриваются подробно. За рамками анализа остается «техническая» сторона практик (последовательность операций), их разнообразие и мера влияния на другие практики,

широкий историко-культурный контекст. Зарубежные концепции довольно абстрактны и не предлагают исследовательский инструментарий для изучения особенностей конкретных практик и их типов. Вместе с тем, определение времени по солнцу по-прежнему считается символом и релевантным примером доиндустриального темпорального режима, что позволяет говорить о лакуне в существующей литературе по антропологии времени. Соответственно, своей задачей в настоящей работе автор видит построение частной аналитической модели, способной выявить специфику практик ориентации во времени по небесным светилам сельских жителей.

2. «Типологии практик ориентации во времени по небесным светилам». Во второй главе на основе исследовательской модели выстраиваются типологии изучаемых практик, анализируются формы и причины их локальной вариативности.

В параграфе **2.1 «Исследовательская модель»** формулируется общая модель практик ориентации во времени суток по небесным светилам. Под практикой ориентации во времени понимается установление отношения между двумя и более континуумами изменений – ритмами. В изучаемых практиках ритмы движения небесных светил выступают измерительным стандартом или *референциальным ритмом*. Некоторые действия, бытовые дела, рабочие операции, своевременное исполнение которых является целью практик ориентации во времени, играют роль *определяемого ритма*. В модели феноменологической темпоральности практики референциальный ритм соотносится со сложившимися условиями, мотивирующими действие, а определяемый ритм с прагматикой действия, целью.

Пространственное расположение человека влияло на выбор той или иной практики (напр., в помещении и на открытом воздухе осуществлялись разные практики ориентации во времени по солнцу). Не менее важной оказывается включенность практики в более общее социальное время, связи с доминирующими ритмами и темпоральными ориентирами. Все эти аспекты практик ориентации во времени концептуализируются при помощи понятия *медиатора*. Под медиаторами понимаются элементы, занимающие промежуточное положение между референциальным и определяемым ритмами и необходимые для взаимоперевода и сопоставления этих ритмов.

Выделяется два основных типа медиаторов: 1) пространственные – помогающие определить положение небесного светила; 2) темпоральные – посредством которых в длительности отмечаются отдельные значимые точки или при помощи которых она структурируется и делится на отдельные отрезки.

На основании близости к человеку *пространственные медиаторы* разделяются на медиаторы манипулятивной зоны (напр., тень от человека или постройки) и зоны восприятия (напр., линия горизонта, топографические ориентиры). На основании универсальности выделяются медиаторы абсолютные и локальные. Первые не зависят от места наблюдения светил (человеческое тело, линия горизонта, стороны света и др.), а вторые привязаны к определенным локусам или должны наблюдаться из одной и той же перспективы (деревья, дома, предметы интерьера и др.)

Темпоральные медиаторы не являются необходимой частью практик ориентации во времени. В отсутствие таковых определенное положение небесных светил служит непосредственно указанием на некую работу, деятельность, которая в настоящем (или скором будущем) должна осуществляться. Если же положение светила указывает на некоторое время, отсылая к иному темпоральному ориентиру, то тогда можно говорить о темпоральных медиаторах. В практиках ориентации во времени по звездам таким ориентиром часто выступало солнце. Кардинальные точки его движения (восход, полдень, закат, полночь) служили медиатором, опосредующим соотношение созвездия на небе и действия, соответствующего моменту времени. Другим темпоральным медиатором было часовое время.

Параграф 2.2 «**Типология практик ориентации во времени по солнцу**» посвящен типологии комплекса широко распространенных практик ориентации во времени по солнцу. На первом уровне типологии практики подразделяются на использующие пространственные медиаторы зоны восприятия (группа I) и манипулятивной зоны (группа II). В практиках группы I время определяется посредством наблюдения солнца на небе, а в практиках группы II – по положению тени и света в пространстве. На втором уровне классификации дифференцирующими признаками оказываются абсолютные (А) и локальные (В) медиаторы. Например, в практиках типа I-A положение солнца может определяться через соотнесение его со сторонами света, линией горизонта. В практиках типа I-B наблюдается

положение солнца относительно разных топографических ориентиров. Тип II-A включает в себя практики ориентации во времени посредством измерения тени от человека или палки. Тип II-B – это практики ориентации во времени по тени от постройки.

На следующем уровне основанием для классификации выступает различие индикации (1) и измерения времени (2). Индикация времени – это выделение определенных событий (напр. восход и заход солнца, верхняя кульминация созвездия), служащих указанием на время для некоего действия, а измерение – деление длительности на равные промежутки. В случае практик ориентации во времени по солнцу индикация времени (подтипы I-A-1, I-B-1, II-A-1, II-B-1) предполагает отсутствие темпоральных медиаторов, а измерение времени (подтипы I-A-2, I-B-2, II-A-2, II-B-2) предполагает медиатор часового времени.

В параграфе 2.3 «**Локальная вариативность практик ориентации во времени посредством измерения тени**» сравниваются материалы из Красноуфимского района Свердловской области и из Кунгурского района Пермского края. В Красноуфимском районе люди мерили свою тень стопами (при ходьбе пятку прижимали к носку), а в Кунгурском районе для этой цели использовали обычные шаги. При измерении тени в пальцах информанты из Красноуфимского района держали руку ладонью вниз, а информанты из Кунгурского района – ладонью вверх. Соответственно «палочку», отбрасывающую тень на пальцы, зажимали или между мизинцем и безымянным пальцем, или между указательным и средним пальцами.

Существование локальной вариативности только у практик типа II-A объясняется наличием нескольких эквивалентных способов измерения тени при помощи человеческого тела, из которых одни случайным образом закрепляются в традиции, а другие вытесняются. Пространственные медиаторы данной практики (тело и тень) абсолютны (А) и находятся в манипулятивной зоне (II), т. е. всегда доступны и «подручны», их наблюдение не может быть перекрыто посторонними предметами. Вариации практик других типов функциональны: они зависят от знания местности или интерьера дома, умения сориентироваться в пространстве, видимости горизонта и служат адаптации к изменяющимся условиям.

Параграф 2.4 «**Типология практик ориентации во времени по созвездиям**» посвящен типологии практик ориентации во

времени по Большой Медведице, Поясу Ориона и Плеядам. Различение групп *A* и *B* основывается на противопоставлении абсолютных (*A*) и локальных (*B*) пространственных медиаторов. Типы выделяются на различии индикации (1) и измерения (2) времени. Основанием третьего уровня типологии является факт отсутствия (*X*) или наличия (*Y*) темпоральных медиаторов. В практиках индикации времени медиаторами оказываются кардинальные точки движения солнца (закат, полночь и восход) (подтипы *A-1-Y* и *B-1-Y*), а в практиках измерения времени (подтипы *A-2-Y* и *B-2-Y*) – часовая шкала. Например, положение Пояса Ориона над соседним домом может указывать на необходимость вставать ото сна (подтип *B-1-X*), приближающийся рассвет (подтип *B-1-Y*) или на наступление пяти часов утра (подтип *B-2-Y*).

3. «Практики ориентации во времени по небесным светилам в суточном и годовом ритмах». В данной главе рассматриваются различные практики ориентации во времени суток в контексте крестьянского распорядка дня и хозяйственного календаря конца XIX – XX вв.

В параграфе **3.1 «Распорядок дня и практики ориентации во времени суток»** предлагается обобщенная модель традиционного крестьянского распорядка дня, рассматриваются его изменения в течение года, обусловленные сменой сезонов и хозяйственным укладом. Параграф **3.1.1 «Распорядок дня крестьян»** раскрывает содержание летнего и зимнего вариантов распорядка дня. Летний вариант определяется как время полевых работ и пастбищного содержания скота (с апреля-мая по октябрь-ноябрь). Рабочий день в крестьянской семье структурировался через систему уповодов (упряжек, вытей) – рабочих отрезков времени, разделенных приемами пищи и отдыхом. В летний период уповодов было 3 или 4, а в зимний – 2 или 3. Сопоставление времени завтрака, обеда и ужина с рассветом, полуднем и закатом показывает, что в летнем распорядке дня они обычно приходились примерно на одно время. В зимнем распорядке дня завтрак и ужин могли отстоять от восхода и захода солнца на 3–4 часа. Суточный цикл структурировался не только хозяйственной деятельностью, разделенной приемами пищи, но и представлениями о сакральности «переходных» точек дня – рассвета, полудня, заката, полночи – и периодов между ними.

В параграфе **3.1.2 «Небесные светила и другие темпоральные ориентиры»** рассматриваются различные сельские практики определения времени суток (по поведению животных, часам, объему сделанной работы и др.) и положение среди них практик ориентации по небесным светилам. Ориентация по солнцу была наиболее важна летним днем в период интенсивных полевых работ, когда недостаток времени и рабочих рук требовал повышенного внимания к организации труда и отдыха. В качестве дополнительных темпоральных ориентиров днем выступали физиологические состояния (усталость, голод), выгон или пригон стада, дойка скота, ширина зрачка кошки и пр. Зимой крестьяне были менее заняты и могли вставать и ложиться «по привычкам», а время обеда определять не по солнцу, а «наугад». Главным темпоральным ориентиром ночи и зимнего времени у русских крестьян был петух. Вспомогательными ориентирами были звезды, Луна и др. По часам, церковным службам, объему сделанной работы могли определять время как дня, так и ночи.

Параграф **3.2 «Календарный контекст практик ориентации во времени по небесным светилам»** посвящен проблеме реконструкции фоновых знаний, необходимых для понимания и осуществления практик ориентации во времени суток по небесным светилам. Многие практики приспособлены к астрономическим условиям определенного сезона и указывают правильное время суток только в этот период. В параграфе **3.2.1 «Ориентация по солнцу»** демонстрируется приуроченность практик ориентации во времени по солнцу к летнему сезону. Для практик типа *II-A* дается более детальный анализ. Русские крестьяне, согласно ряду корреспондентов Этнографического бюро, считали, что в полдень тень от любого предмета равна его длине. Это утверждение, однако, верно только в определенный календарный период – в мае и в августе. Дополняющей такого рода практики могла быть другая практика, включающая в себя арифметический расчет длины человеческой тени. Особенности расчета позволяют уверенно предположить, что эта практика была функциональна в июне и июле.

В параграфе **3.2.2 «Ориентация по созвездиям»** реконструируется календарный контекст практик ориентации во времени суток по Большой Медведице, Поясу Ориона и Плеядам. Используемые источники относятся преимущественно к территориям Рус-

ского Севера и Урала и сформированы во время диалектологических экспедиций 1960–1980-х гг. При помощи программ электронных планетариев была произведена астрономическая реконструкция календарных ограничений 68 текстов, из них 38 текстов про ориентацию по Большой Медведице, 8 по Плеядам, 22 по Поясу Ориона. Анализ показал, что по созвездиям время определяли не столько зимой, сколько осенью (с августа по декабрь), в меньшей степени весной. Календарная приуроченность данных практик вполне соответствует сезонным работам, отраженным в анализируемых текстах и диалектных названиях созвездий. Осенние сельскохозяйственные работы требовали известной темпоральной дисциплины при дефиците времени, в частности, чтобы люди вставали ночью или ранним утром до рассвета. Как представляется, именно эта практическая необходимость обусловила активное использование созвездий для ориентации во времени. Календарные сроки функционирования каждого созвездия при этом были скорректированы объективными свойствами их движения на небе, определившими самое оптимальное и удобное время их наблюдения.

4. «Исторические трансформации и механизмы воспроизводства практик ориентации во времени по небесным светилам». В настоящей главе рассматриваются факторы, определившие изменения изучаемых практик и их идентичность во временной динамике.

Параграф 4.1 «**Модернизация сельского времени: ориентация по небесным светилам и часам**» посвящен влиянию модернизационной политики государства на практики ориентации во времени. В параграфе 4.1.1 «**Колхозное строительство и доминирование часового времени**» рассматриваются последствия коллективизации для сельского темпорального режима. Начало модернизации было положено в последнюю четверть XIX в., когда часы стали активно проникать в крестьянскую жизнь. Но доминирующим темпоральным ориентиром – как на практике, так и в сознании крестьян – оставалось солнце. После коллективизации дисциплинирование труда и организация досуга в селах стали осуществляться с помощью часового времени. Чтобы донести до людей время в часах администрации колхозов использовали колокола или другие звенящие металлические предметы. Чаще всего такие звуковые сигналы возвещали о начале и конце работы, перерыве на обед. Такая организа-

ция труда пришла в колхозы, вероятно, с заводов, где аналогичную роль выполнял паровой гудок.

В этих новых условиях традиционные практики ориентации во времени по небесным светилам не столько постепенно вытеснялись часами, сколько адаптировались к ним. Вскоре данные практики инкорпорировали в себя медиатор часового времени, т. е. произошла смена индикации времени его измерением. Также они стали воспринимались колхозниками как недостаточно точные, но необходимые ввиду дефицитности карманных и наручных часов (до 1960-х гг.). В этом смысле именно традиционные практики ориентации во времени по небесным светилам расширили сферу функционирования часового времени, сделав его независимым от близости часового механизма и возможности свериться с производными от него сигналами (куранты, звон колокола и пр.). В настоящее время информантам уже неизвестны способы ориентации во времени по звездам. В 1960-е гг. отошло в прошлое определение времени посредством измерения тени. Сохранение иных бытующих до сих пор практик объясняется в параграфе 4.2.

В параграфе 4.1.2 «**Измерение тени и вычисление времени**» рассматриваются трансформации практик ориентации во времени посредством измерения тени с XIV по XX в. Первое упоминание о счете времени посредством измерения тени у русских встречается в средневековых источниках XIV–XV вв. Основной целью подобных практик в среде книжников и грамотных людей, вероятно, было определение литургических часов. В крестьянской культуре конца XIX в., впрочем, измеряли не средневековые «косые» часы (длительность которых изменялась в течение года), а равные. Истоки этой модернизации восходят к «реформе часа» Петра I (1706 г.), утвердившей на государственном уровне переход на европейскую систему нераздельного счета часов.

Практики измерения тени занимают особое положение, так как только этим способом уже в конце XIX в. крестьяне могли определять часовое время (подтип II-A-2). Параллельно существовали и аналогичные практики с индикацией времени (подтип II-A-1). Следовательно, можно предположить, что измерение тени изначально было направлено именно на измерение время в часах (подтип II-A-2), а практики индикации времени (подтип II-A-1) возникают вследствие упрощения и адаптации «книжного» метода к аграр-

ному чувству времени и традиционным практикам ориентации во времени, не знавшим часовой шкалы.

Параграф 4.2 «Практики ориентации во времени по солнцу между традицией и инновацией» посвящен анализу условий межпоколенческого воспроизводства практик ориентации во времени по солнцу. В параграфе 4.2.1 «Пределы традиции» устанавливаются границы объяснительной способности концепции традиции на материале практик ориентации во времени по небесным светилам. Про большинство типов изучаемых практик известно, что они передавались по традиции, им обучали. На этом фоне неожиданными оказались ответы информантов на вопросы автора о практике ориентации во времени по тени от постройки (тип *II-B*) – ей их никто не учил ни прямо, ни косвенно. Также этим информантам не приходилось наблюдать других людей, ориентирующихся во времени таким способом. Данная практика «изобреталась» людьми самостоятельно, независимо друг от друга. Едва ли можно предполагать, что подобная практика перенималась в детском возрасте, так как несколько информантов разработали этот способ после выхода на пенсию. Анализ свидетельств конца XIX в. позволяет предположить, что эти практики могли разрабатываться самостоятельно и людьми предыдущих поколений. Таким образом, следует объяснить, почему практики разных информантов так похожи между собой, хотя они не общались на эту тему и не наблюдали друг за другом, почему они так похожи на практики XIX в., если люди не переняли их от старшего поколения.

В параграфе 4.2.2 «Вещи как "недостающая масса" традиции» рассматривается возможность решения выявленной проблемы в рамках концепций К. В. Чистова и Б. Латура, сходство между которыми обнаруживается в понимании вещей как посредников между людьми и трансляторов идей, ценностей, действий. Критический анализ концепций, однако, показывает, что артефакты сами по себе могут быть медиаторами культурного содержания только в том случае, если это содержание вписано в них на уровне конструкции и дизайна, а пользователь обладает фоновыми знаниями и навыками, позволяющими заложенный смысл уверенно распознать. Если же пользователь понимает вещь не так, как ее создатель, вкладывает в нее свои смыслы, то о механизме традиции говорить нельзя. Так, конструкция избы не предназначена для определения времени по

расположению тени и света в интерьере. Следовательно, человек не может перенять такой способ использования избы от другого человека, распознавая смысл ее конструктивных свойств.

В параграфе 4.2.3 «Аффорданс практики» для объяснения воспроизводства практик ориентации во времени по тени от постройки вне традиции привлекается теория возможностей/аффордансов (Дж. Гибсон, А. Костелл, Г. Хефт и др.). Согласно данной теории у каждой вещи есть множество возможностей для использования человеком. При этом возможности для действия могут существовать, но не осознаваться человеком. Способность воспринимать и актуализировать эти возможности зависит от ситуации и текущих задач. Теория аффордансов позволяет понять, как качества человека и окружающей среды в их динамике и взаимоотношении делают возможными одни практики и исключают другие, ограничивают действия акторов, но оставляют простор для выбора.

Развивая эти положения, автор приходит к двухуровневой аналитической модели. Первый, базовый уровень определяет условия существования возможности, а второй – условия ее восприятия и актуализации. Поскольку человек и мир вокруг него всегда пребывают в движении, то, как условия существования аффордансов, так и условия их восприятия меняются, что предопределяет переход внимания человека от одного аффорданса к другому, от одной практики к другой.

В параграфе 4.2.4 «Ориентация во времени и динамика аффордансов» сформулированная аналитическая модель используется для исследования практики ориентации во времени по тени от постройки. Условия существования аффорданса данной практики обеспечивают движущееся солнце (восходящее и нисходящее, идущее с востока на запад) и постройка, внутри и снаружи которой создается подвижная граница света и тени, доступная наблюдению.

Условия восприятия аффорданса практики типа *II-B* определяются универсальной потребностью ориентироваться во времени и культурными знаниями, освоенными социальными практиками, опытом, достаточными для разработки соответствующей практики. Так, находясь в помещении затруднительно наблюдать положение солнца на небе и мерить шагами свою тень. Но если у человека возникает потребность узнать время, то эти освоенные практики предлагают ресурсы для разработки способа ориентации во времени в

условиях дома. Знание того, как свет и тень перемещаются на протяжении дня внутри избы, является фоновым для многих домашних занятий, требующих хорошей освещенности (чтение, вязание, прядение и пр.).

В рамках этой модели можно объяснить, как схожие практики ориентации во времени (тип *II-B*) порождаются разными людьми независимо друг от друга. Их разработка оказывается возможной в условиях схожей материальной среды и общего набора социальных практик и фоновых знаний.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования и формулируются выводы. Сравнивая архивные материалы конца XIX в. с полевыми записями, можно установить и преемственность, и разрывы в культурных смыслах практик определения времени по небесным светилам. Общим знаменателем оказывается разделение практик ориентации по солнцу на стационарные и мобильные. Пребывая в пространстве усадьбы и дома, сельские жители наблюдали за перемещением тени в обжитом пространстве (тип *II-B*) и смотрели на положение солнца относительно соседних домов и прочих хорошо знакомых топографических объектов (тип *I-B*). Практики измерения тени (тип *II-A*) и определения времени по положению солнца относительно горизонта и сторон света (тип *I-A*) ассоциировались с полевыми и иными работами, требующими постоянного передвижения. Как можно заметить, практики первого типа используют локальные медиаторы, а вторые – абсолютные. Противопоставление дома как центра освоенного пространства и внешнего мира дороги, полей и лесов является структурообразующим для русской сельской культуры и, вероятно, наделяло рассматриваемые практики дополнительными смыслами.

Историческая смена индикации времени (1) его измерением (2) во второй трети XX в. отразила разрыв в восприятии традиционных практик ориентации во времени по небесным светилам. Доминирование часов и часового времени как эталонного снизило ценность и актуальность традиционных практик ориентации во времени по небесным светилам. Им стали меньше доверять и, к настоящему моменту, их почти не используют.

Доминирующие темпоральные ориентиры (солнце, петухи, часы), как правило, порождали композитные практики, по которым можно было определять наступление двух и более событий. Эле-

ментарные практики позволяли определять наступление только одного события. Например, по высоте солнца время обеда можно определять круглый год, но композитные практики расчета времени по длине тени были приспособлены, как правило, к длинным летним дням. Композитные практики могли быть и продуктом вспомогательных темпоральных ориентиров – созвездий. Таковые бытовали с конца октября до начала декабря – именно в эти месяцы определение времени по звездам было наиболее важно. Использование композитных практик, вероятно, свидетельствует о необходимости высокой дисциплины, расширения горизонта планирования – о большой рабочей загруженности соответствующего времени суток и года. Темпоральный режим модерна с его всепроникающими расписаниями, «ускорением» и «компрессией» времени, практически вытеснил из культуры описанные в настоящем исследовании элементарные практики и способствовал усилению роли композитных практик определения времени в сельской жизни. Инкорпорация часового времени в практики ориентации по небесным светилам была одним из инструментов преобразования элементарных практик в композитные.

Тяготение определенного типа практики к тому или иному времени суток, календарному периоду, разнообразие их исторических генеалогий и способов воспроизводства говорит об их включенности во временные ритмы различного рода и масштаба. Эта множественная темпоральность составляет «изнанку» практики ориентации во времени и во многом определяет ее структуру и прагматику. Человек, наполняя внутреннюю темпоральность практики своими ситуативными мотивами и целями, способен эту практику трансформировать, «переизобретать» и приравнивать к изменяющимся условиям окружающей среды.

В отсутствие сопоставимых подробных исследований по другим народам сложно ответить на вопрос об этнической специфике рассматриваемых практик. Данный комплекс практик, однако, следует признать регионально и культурно специфическим: практики измерения тени шагами известны только христианским и мусульманским народам, практики ориентации по тени от построек всегда зависят от конструкции и планировки жилища (ср. юрту и чум с избой), а практики ориентации по созвездиям обусловлены широтной зональностью. Только ориентация во времени по солнцу

на небе, вероятно, может быть оценена как культурная универсалия. Все эти практики, впрочем, обладают значимыми культурными особенностями за счет определяемых ритмов – специфических для русской сельской культуры повседневных дел и забот.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

В рецензируемых изданиях, включенных в список ВАК РФ:

1. Модернизация сельского времени: ориентация по небесным светилам и часам // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 156–178.
2. Rural Diurnal Timing Practices Based on Stars Observation // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2017. Vol. 62. Iss. 4. P. 865–877.
3. Воспроизводство практик за пределами традиции (на примере сельских практик ориентации во времени по солнцу) // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 172–186.

В других изданиях:

1. Календарный контекст в практиках определения времени по созвездиям в русской традиционной культуре (XIX–XXI вв.) // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 330–331.
2. Измерение времени по солнцу: практика и метапрактика // Тезисы докладов научной конференции «Теория и практика исследования этнокультурных комплексов», посвящённой 65-летию со дня рождения В. А. Козьмина. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 68–69.
3. Русские сельские практики ориентации во времени по небесным светилам: структура и типология // Антропология времени: сб. тезисов конференции молодых ученых. М.: РГГУ, 2017. С. 8–10.
4. Советская «колонизация» сельского времени: традиционные и новые практики ориентации во времени // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию Революции 1917 года в России): Материалы Шестнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2017. С. 16–20.

5. Практики ориентации во времени по небесным светилам и модернизация сельского времени // Вещи. Экспедиции. Музей. К 100-летию со дня рождения Т. В. Станюкович (1916–1992). СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 84–93.